

УДК: 332.12

РАМАЗАНОВА ЗОЯ БУТТАЕВНА

д.и. н., ведущий научный сотрудник

Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского Центра РАН (ИИАЭ ДФИЦ РАН),
e-mail : zoya@rambler.ru

МУСАЕВА МАЙСАРАТ КАМИЛОВНА

к.и. н., ведущий научный сотрудник

Института истории, археологии и этнографии Дагестанского
федерального исследовательского Центра РАН (ИИАЭ ДФИЦ РАН),
e-mail: majsarat@yandex.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2019-10-67-75

КРАСНОРЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВА В ДАГЕСТАНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация. Цель. Показать кратко, как одна из подсобных отраслей хозяйства — рыболовство, возникшая в глубокой древности, но потерявшая свою былую позицию как часть системы жизнеобеспечения народов Дагестана по объективным причинам (исламизацией края), прошла сложный путь развития от речного краснорыбного промысла, для внутреннего ограниченного пользования и обменной торговли, до крупной отрасли дореволюционного производства. **Метод проведения работы.** Для исследования этой проблемы были проанализированы имеющиеся научные работы, неопубликованные архивные данные, полевые материалы авторов. **Выводы.** Рыбный промысел к концу XIX столетия занял ведущее место в экономике Дагестана благодаря развитию собственной инфраструктуры (холодильным установкам, речному, морскому и железнодорожному транспорту), созданию торговых компаний и объединений, которые соединили его не только со столицей и внутренними губерниями Российской империи, но и с зарубежными странами.

Ключевые слова: Дагестан, хозяйство, рыболовство, краснорыбный промысел, жизнеобеспечение, рыбная промышленность.

RAMAZANOVA ZOYA BUTTAEVNA

doctor of science, leading researcher Institute of history, archeology and
Ethnography of Dagestan Federal research Center of the Russian Academy of Sciences
(IAAE of the Russian Academy of SCIENCES),
e-mail : zoya@rambler.ru

MUSAYEVA MAISARAT KAMILOVNA

Ph. D., leading researcher Institute of history, archeology and Ethnography
of Dagestan Federal research Center of the Russian Academy of Sciences
(IAAE of the Russian Academy of SCIENCES),
e-mail: majsarat@yandex.ru

RED-FISH FISHING IN THE SYSTEM OF ECONOMY IN RUSSIA DAGESTAN IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Abstract. Goal. Show briefly how one of the subsidiary sectors of the economy — fishing, which arose in ancient times, but lost its former position as part of the life support system of the peoples of Dagestan for objective reasons (the Islamization of the region), has passed a difficult path of development from river fishing, for internal limited use and exchange trade, to a large industry of pre-revolutionary production. **The method of carrying out the work.** To study this problem, we analyzed existing scientific papers, unpublished archival data, and field materials of the authors. **Conclusions.** By the end of the XIX century, fishing took a leading place in the economy of Dagestan due to the development of its own infrastructure (refrigeration, river, sea and railway transport), the creation of trade companies and associations that connected it not only with the capital and the inner provinces of the Russian Empire, but also with foreign countries.

Keywords: Dagestan, agriculture, fishing, red-fish fishing, life support, fishing industry.

Природные условия, являясь одним из важнейших факторов системы жизнеобеспечения, оказывают большое влияние на возникновение и развитие любой отрасли хозяйства. Однако вряд ли можно встретить занятие или отрасль хозяйства, которая в такой степени всецело зависела бы от естественных условий труда, как рыболовство. Рыболовство следует считать наиболее древним занятием человека — оно появилось раньше, чем земледелие и животноводство. Дагестан многозональная республика (равнина, предгорье, горы, высокогорье), водные ресурсы (море, реки, озера, в т. ч. высокогорные) представляют богатство края [1, с.32]. На протяжении многих столетий эксплуатация естественных водоемов базировалась на основе тех богатств, которые предлагала сама природа. И если в отдельных областях хозяйства, земледелии и животноводстве человечество достигало определенных успехов в части управления и регулирования качественного и количественного выхода продукции, то в области рыболовства вплоть до середины XIX в. почти не наблюдалось прогресса. По существу, рыболовство в морях и океанах до сих пор носит характер охотничьего промысла, простого собирательства, возникшего на заре возникновения человечества и освоения им Земли. Это ставит развитие и размещение рыбодобывающей и рыбообрабатывающей промышленности в большую зависимость от естественной производительности водоемов. Высокие темпы можно обеспечить лишь при благоприятном состоянии сырьевой базы и непрерывном совершенствовании техники.

Поскольку горцы Дагестана к рыбе до определенного времени были практически равнодушны, а ее ловом из рек в основном занимались дети: ловили ее без особых приспособлений, руками, в горных реках или глушили в сделанных ими же запрудах. Пойманную рыбу мальчишки, за редким исключением, даже не несли домой: тут же потрошили, обмазывали глиной и запекали в небольшом огне (в традиционной кухне даже равнинных народов рыбные блюда практически не представлены), и, как отмечают исследователи: «Рыбу, несмотря на ее изобилие в Каспийском море и наличие на территории кумыков множества рыбных промыслов, употребляли сравнительно мало» [2, с. 146]. Литературные источники и рассказы стариков дают, однако, основание полагать, что в прошлом рыба имела немаловажную роль в питании кумыков. Одним из свидетельств широкого употребления рыбы в прошлом кумыками указывает наличие у них своих названий рыбы: «балык» — (общее название), «бекра» (осетрина), «яйын» (сом), «иргъай» (лососина), «чорпан» (щука), «сазан» (сазан) и др. Здесь необходимо отметить прием, устроенный эндириевским владельцем в палатке А. Олеария, который он описывает: «Он велел предложить нашим людям большой котел осетрины, зарезанной и разорванной небольшими кусочками и вареной с солью, (разлив его) по деревянным корытам, выдолбленным вроде наших, подобного рода посуды (мисочек); кроме того, в особых деревянных сосудах подавалась похлебка из шавеля и коровьего масла, чтобы туда макать рыбу» [3, с. 509]. Как свидетельствует Тарихи-Дербент-наме, общество селения Костек должно было ежегодно платить шамхалу «с каждого дыма по рыбе» [4, с. 177].

Резонно можно предположить, что в системе жизнеобеспечения народов Дагестана былые позиции рыбного промысла были утеряны, исключая равнинных жителей. Возможно, что у народов Дагестана до возникновения земледелия и животноводства интерес к рыбе и необходимость его вылова для жизнеобеспечения был более широко развит, нежели в исследуемый период. Свидетельством этому служит присутствие в фольклоре горцев пословиц и выражений, в которых фигурирует рыба: «глаза рыб», когда хотят сказать, что «взгляд без эмоций»; «рыбий рот» — большой рот с опущенными губами (вечно недовольное выражение лица); «человек, которого, как и рыбу, трудно схватить руками» (скользкий, как рыба, человек); «безбаракатность человека и рыбе в море достается» (невезучий, не очень удачливый, приносящий неудачу человек). Тонкую, негреющую ткань сравнивают с рыбьей кожей. Период созревания подростка называют «периодом становления рыбой», «рыбный период». О возможно большем значении рыбы и рыбных блюд, использовании рыбных костей в быту народов Дагестана, особенно равнинного и предгорного, свидетельствует археологический материал. В частности, еще в эпоху ранней бронзы на правом берегу Сулака обыватели одной из площадок Сигитминского кряжа наряду с земледелием и скотоводством занимались рыболовством. Среди орудий труда здесь были найдены костяной наконечник ассиметричной формы, являвшийся своего рода гарпуном для боя рыбы, и каменные грузила для рыболовных сетей [5]. В пери-

од с IV по IX в. н.э. рыболовство продолжалось оставаться одним из главных занятий равнинного Дагестана и нашло более широкое географическое распространение, так как в это время были уже заселены прибрежные участки Сулака, Самура и других рек [6, с. 54]. Так, на средневековом Бавтугайском поселении в различных слоях, относящихся к раннему, среднему и позднему периодам его существования, в зольных пятнах от костров, в скоплениях фрагментов керамики и в сосудах были обнаружены костные жучки осетровых и кости крупночастиковых рыб [7]. Эти находки свидетельствуют и о том, что в ранний период своего развития рыболовство Дагестана базировалось на добыче ценных пород промысловых рыб — осетровых и крупночастиковых, запасы которых были, очевидно, достаточно велики. Таким образом, материалы археологических раскопок свидетельствуют, что одним из древнейших занятий жителей берегов главных рек Дагестана являлось рыболовство. Вероятно, в это время рыба являлась самым доступным продуктом питания белкового происхождения.

Позднее значение рыболовства уменьшается и почти полностью уступает место земледелию и животноводству [7]. Дальнейшее снижение промысла осетровых в значительной степени объясняется влиянием на народы Дагестана ислама — запрещением принимать в пищу рыбу без чешуйчатого покрова [8, с. 50]. В качестве продуктов питания употреблялась рыба, покрытая чешуей, причем предпочтение оказывалось ценным породам: лососю, кутуму, жереху, сазану, судаку и др. Недостаточная развитость рыбного промысла в это время была обусловлена также ограниченной возможностью сбыта, примитивностью рыбообработки и, наконец, феодальной раздробленностью Дагестана.

Вместе с тем на протяжении длительного периода рыба фигурировала на местном рынке в качестве одного из распространенных предметов обмена [6, с. 237–238]. По имеющимся сведениям, в XV в. в Дербенте изготовлялся рыбий жир, который в большом количестве развозился по окрестным селениям, где употреблялся для освещения [6, с. 237–238]. До начала XIX в. рыболовством занимались исключительно на внутренних водоемах края, главным образом в реках и озерах, расположенных на Кумыкской плоскости. Богатые дагестанские морские рыбопромысловые воды Каспия совершенно не использовались. Ведущее место в рыболовстве долгое время занимал Сулак. Так, в конце XVI в. в устьях одного из притоков Сулака, находившегося во владении шамхала, имелись не только «лучшие уголья, пашни и сенокосы», но и «рыбные ловли» [9, с. 2].

Одним из свидетельств широкого употребления рыбы в прошлом кумыками указывает наличие у них своих названий рыбы: «балыкъ» — (общее название), «бекра» (осетрина), «яйын» (сом), «иргъай» (лососина), «чорпан» (щука), «сазан» (сазан) и др. Кумыки ели «рыбу в вареном и жареном виде. Применялось и вяление рыбы на зиму. Сушеная рыба шла даже на приготовление хинкала, который в настоящее время делается исключительно из мяса» [2, с. 147].

Рыба, имеющая чешую и плавники, в силу того что не нуждалась в штихе (кошерном убое и особой разделке, которую требовал иудейский кашрут), в отличие от мяса животных и кур, являлась чуть ли не повседневной едой у горских евреев. Они ели ее в жареном, копченом, соленом видах. Больше всего потребляли рыбу судак (ее в народе даже называли «еврейской курицей») и кутум. Ели в основном рыбу с хлебом и луком [10]. В Дагестанских областных ведомостях писали, что рыбное дело наше создано и развито исключительно евреями: они же нашли и рынки для сбыта, установив любимое в черте оседлости качество засола [11, с. 2].

Однако процесс феодализации привел к раздроблению речных и озерных угодий на отдельные участки, являвшиеся собственностью феодалов. Рыбу ловили в основном для личного потребления, и только некоторая часть ее вывозилась в соседние селения. За провоз рыбы через территорию, принадлежащую феодалам, владельцы брали пошлину натурой в размере 10% [6, с. 147].

Географическое размещение дореволюционного рыбного промысла, характеризующегося его сосредоточением во внутренних водоемах, неизбежно приводило, с одной стороны, к нерациональному использованию рыбных богатств, что вызывало увеличение массы вылова, нарушавшее равновесие между воспроизводством запасов рыбы и ее добычей, а с другой — к недоиспользованию богатых сырьевых ресурсов районов.

Бывшая Дагестанская область располагала значительно меньшей акваторией морских и

речных водных угодий, чем современная Республика Дагестан. Морские воды области простирались от устья р. Самур до линии, проходившей между островом Чечень и мысом Лопатин, захватывая восточную половину Аграханского залива [12, с. 240].

Возможно, в силу того что крупная (так называемая красная) рыба не пользовалась спросом у большинства народов Дагестана, особенно, проживающих в горах, местное население и не помышляло заниматься промышленным ловом. Промышленное рыболовство в Дагестане в XIX в. было организовано пришлыми рыбаками Волги, Азовского и Черного морей, при их постепенном размещении сначала на севере, а потом и на юге области. Рыбная промышленность Дагестана возникла в глубокой древности на базе речного рыболовства, чему способствовали: 1) природные богатства края и, в частности, обилие ценных пород и полупроходных рыб в Аграханском заливе, р. Сулак, Самур, Каспийском море и 2) общественно-экономические условия, создавшиеся после присоединения Дагестана к России.

Одним из первых крупных капиталовложений в рыбное хозяйство Дагестана произвел астраханский рыбопромышленник К.П. Воробьев, который в 80-х гг. XIX в., вследствие упадка сельдяного промысла на Волге, в короткий срок полностью перенес свое предприятие на западное побережье Каспия, взяв в аренду на 12 лет рыболовные воды, принадлежащие шамхалу Тарковскому. Здесь он нашел благоприятную почву для применения своего капитала, а продолжительность срока аренды позволила поставить рыбный промысел на должную техническую высоту [13, с. 192].

Во владении купца К.П. Воробьева находилось 11 промыслов. Добываемая рыба поступала в продажу: сельдь и другая частичковая (малоценная) рыба в юго-западные губернии и на внутренние рынки; красная рыба в столичные города; икра на заграничные рынки — Вену и Берлин. Так, с эксплуатации рыболовных угодий Аграханского залива началось довольно активное проникновение русского капитала в рыбную промышленность Дагестана. Находясь в благоприятных физико-географических условиях, Аграханский залив занимал важное место в рыбном хозяйстве дореволюционного Дагестана, чему способствовали незначительные глубины, хорошая прогреваемость водных угодий, малосольность и изобилие органических веществ в заливе, создававшие весьма благоприятные условия для жизни и разведения наиболее ценных промысловых рыб. И.Ф. Правдин отмечал, что «Аграханский залив, его южная половина и озера Аликазгана есть лучший в пределах Дагестанской республики естественный рыбоводный завод, где сама природа создает великолепные условия для разведения рыб, условия которых не может создать никакой искусственный рыбоводный завод» [14, с. 122]. Залив по выражению И.Ф. Правдина «был одним из самых заманчивых мест западного побережья Каспия, куда устремлялись рыбопромышленники и ловцы» [14, с. 122].

Представление о былых рыбных богатствах и характере промысла можно создать по свидетельству И.Ф. Правдина, который писал, что «в Аграханском заливе собирались такие огромные косяки частичковой и красной рыбы, что обловить их не было возможности: рыбу окружали десятком неводов, наполняли рыбницы (обычная большая лодка, в которую кладут рыбу для отсылки на промысел — Авт.), зимой на ватагах вырастали целые горы рыбы, а летом из залива шли вереницы лодок, нагруженных аграханской рыбой» [14, с. 122]. Для лова рыбы в море употреблялись неводы, сети, снасть (железные крючки, выгнутые из толстой проволоки с зарубкою, конец которых был остро обточен).

Как свидетельствует исследователь рыбных промыслов Аграханского залива И.Д. Кузнецов, в конце прошлого столетия в заливе в изобилии встречались белуга, осетр, севрюга, лосось, судак, сом, вобла, сазан, кутум, лещ и жерех. Помимо них, в достаточно большом количестве вылавливались шип, стерлядь, чехонь, усач, красноперка, сапа, сельдь [15, с. 151–153]. При этом «рыбы Аграханского залива с первого взгляда поражают своими размерами... Вся рыба отличается чистотой и яркостью своих покровов — вообще имеет наилучший вид, стоящий в связи с благоприятными условиями жизни». Основу промысла в Аграханском заливе составляли осетровые, лов которых начинался с начала ледохода до глубокой осени. В уловах встречались все виды осетровых, обитающие в Каспийском бассейне. Раньше всех — ранней весной ловили белугу, средняя величина которой составляла 15–20 и реже 30 пудов. В этих уловах постоянно попадался и осетр, встречавшийся главным образом весной. Довольно значительную долю составляла севрюга. На протяжении лета добывалось около 10 пудов шипа,

который вылавливался главным образом около о. Чечень. Вместе с осетрами шип шел на посыл. Здесь же вылавливалось множество стерлядей — от 500 до 1000 штук. А в 70-х гг. в кутских водах при эксплуатации четырех неводов «было поймано 40 ароб стерляди, т. е. примерно 2–3 сотни пудов» [15, с. 152].

Помимо осетровых большое промысловое значение в Аграханском заливе имели лосось и лох. Здесь весной и осенью в изобилии встречались судак, вобла и другие частичковые рыбы. Постоянно здесь водились сом, сазан, жерех, лещ, причем сом ловился мелкий и средний весом не более одного пуда.

Рыбная ловля, как уже отмечалось выше, производилась с марта по декабрь. По условиям лова различались жарковская и холодная путины. Первая осуществлялась с 1 июня по 15 сентября. Вторая делилась на весеннюю — с апреля по 1 июня и осеннюю — с первых чисел сентября почти до конца декабря [16, с. 110].

В начале XVIII в. в Аграханском заливе белугу промыслили ногайцы, которые били рыбу сандалами с каюков (долбленых лодок длиной около 6 м). Несколько позже, примерно в 20–30 гг. XIX в. рыбопромышленник Придонов организовал промысел осетровых, привлекая к лову в качестве рабочей силы калмыков из Астраханского края. Ватага (пристанище рыбаков с избами или землянками для неводного лова) Придонова применяла самоловную снасть и ставные сети. Выловленная рыба доставлялась на лодках в Астрахань [15, с. 152].

Достаточно обширная акватория Аграханского залива в конце XIX в. была разбита на несколько участков, принадлежавших разным владельцам.

Вся акватория Аграханского залива была изъята из сферы действия устава каспийско-волжских рыбных промыслов, поэтому рыболовство здесь велось без соблюдения каких-либо правил и ограничений [16, с. 111], которые существовали у притерских рыбопромышленников.

Арендаторы вели лов, главным образом, распорными неводами. Сетной и снастной лов осуществлялся вольными ловцами за особую плату. Например, в 1880 г. арендатор А.М. Иванов допустил в арендованные им кутские воды ловцов за плату по 25 рублей в год. В терских казенных водах, также находившихся в его аренде, продавались сезонные билеты: весенний стоил 35 руб., а осенний — 50 рублей [15, с. 159–165]. Стоимость билета определялась ценностью сезонного объекта лова. Границы вод были обставлены бакенами и очень строго сохранялись. Лов рыбы осуществлялся в основном местным населением. На распорных волокушах работали исключительно ногайцы; сетной и снастной лов производили терские казаки.

Почти каждый рыбопромышленник устанавливал свои цены на рыбу, принимаемую от рыбаков. Расхождение в ценах на отдельных промыслах в значительной мере были обусловлены спросом на определенную рыбную продукцию и транспортными возможностями ее доставки на места сбыта.

Как уже говорилось, основу аграханского рыболовства составляла красноловно-частиковый промысел. Аграханская рыба пользовалась широким спросом, что приводило к усилению эксплуатации рыбных богатств залива. Развитию данных промыслов особенно способствовало налаженное сообщение — проведение Петровской ветки Владикавказской железной дороги. До постройки этой ветки рыбные товары шли исключительно в Астрахань. Для переброски продукции использовались «пробежные» рыбницы [15, с. 170–171]. А с открытием движения по железной дороге большая часть рыбы Аграханского залива стала доставляться на ближайшую станцию Хасавюрт для дальнейшей переброски на отдаленные рынки, причем с промыслов до станции рыбные товары доставлялись гужевым транспортом — на арбах, на волах или верблюдах, проделывавших этот путь за 2–4 дня [16, с. 112].

Свежая белуга и лососина отправлялись по железной дороге только в холодное время года, а соленая рыба непрерывно. Рыбные товары доставлялись на рынки Владикавказа, Армавира, Ростова-на-Дону и далее вплоть до Москвы [15, с. 170–171].

По статистическим данным, приводимым Е.И. Козубским, в водах около г. Петровска в 1892 г. добыча определялась следующими показателями: белуги — 2231 пуд, осетра — 11185 пудов, севрюги — 18934 пуда, икры — 1093 пудов, сома — 18165 пудов, разной частичковой рыбы — 269937 шт., воблы и сельди — 704585 шт. — всего на сумму 121560 руб. В 1893 г. стоимость улова составляла 107950 руб., а в 1894 г. — 11 6550 руб. [17, с. 68].

Однако следует отметить, что усиленная, ничем не ограниченная эксплуатация рыбных богатств аграханских вод привела к истощению рыбных запасов и уменьшению размеров добычи рыбы. В 1912 г. сокращение поступления пресной воды вызвало повышение солености Аграханского залива и привело в полный упадок красноловье и крупночастиковый промысел [14, с. 122].

Истощение рыбных запасов вынуждало, естественно, ловцов и рыбопромышленников искать новые еще не освоенные промыслом рыболовные участки, а также осваивать менее ценные объекты лова (сельдь и воблу), встречавшихся в изобилии в данном участке. С повышением солености воды в Аграханском заливе создались благоприятные условия для нереста аграханской сельди, массовые скопления которой содействовали возникновению и росту сетного лова этой рыбы в заливе.

Говоря о краснорыбном промысле в северном районе дагестанских вод Каспия отметим, что основу положили в начале XIX в. русские поселенцы о. Чечень. Он не входил в состав Дагестанской области, но в силу территориальной близости был тесно связан с ней экономически. В конце XIX в. здесь возник сельдяной промысел с соответствующей материально-технической базой. Рыболовецкое население острова привлекалось к участию в лове сельди, начиная с первых чисел марта до середины мая, в качестве сезонной рабочей силы. При этом «в 1853 г. имевшаяся на о. Чечень рыбная ватага, принадлежавшая шамхалу Тарковскому, находясь в «откупном содержании», за год доставляла 979 шт. белуги, 4317 шт. осетра и 20549 шт. севрюги [18, с. 375].

Данный промысел, постепенно продвигаясь с севера на юг, за счет капиталовложений астраханских рыбопромышленников получил широкое размещение на всей акватории рыболовных владений шамхала Тарковского, а затем в предустьевых участках отдельных рек и в морских водах Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов [12, с. 240]. На юг от р. Инче до р. Дарваха в Кайтаго-Табасаранском округе протягиваются казенные Терекемейские воды, в которых имелась 41 ватага по улову рыбы, возникшая с 1890 года. Арендаторами были жители городов Петровска, Грозного, Владикавказа, Пятигорска, Астрахани, Киевской и Владимирской губерний с числом рабочих от 50 до 150 [19, с. 74].

По свидетельству специалистов лучшим местом для лова красной рыбы считался огромный участок водных угодий от северной конечности острова до Порт-Петровска.

К.М. Бэр отмечает по поводу рыболовства у Порт-Петровска следующее: «К сожалению, воды Порт-Петровска уже отданы крепости и тамошним поселенцам, которые кроме рыболовства решительно не имеют других средств к пропитанию. И они жалуются не на недостаток рыбы, но на незначительное количество получаемой из нее икры, что составляет простодушное выражение того, что они по большей части ловят молодую рыбу» [20, с. 56].

Следует отметить, что дагестанские воды Каспия всегда были и в настоящее время продолжают оставаться местом массового нагула осетровых [16, с. 122]. Морской краснорыбный промысел в силу сложившихся общественно-экономических отношений и благоприятных физико-географических условий нашел именно здесь благоприятную почву для своего развития, чему в значительной мере способствовало то обстоятельство, что воды шамхала Тарковского, являвшиеся его частной собственностью, не были подчинены правилам Каспийского рыболовства. Необходимо также отметить данные архивных документов, где говорится, что «шамхал Тарковский, а потом наследники последнего шамхала генерал-майора князя Шамсудина Тарковского пользуются доходами с Улусского магала», которые заключаются «в рыбных ловлях на Каспийском море, начиная от половины левого рукава р. Самура до половины р. Рубаса и в самой реке Рубасе» [21, л. 1].

В Дагестанской области ведущее положение в краснорыбном промысле занимала река Сулак. Например, согласно заявлению князя Али-Султана, краснорыбный промысел у сел. Чонтаул в начале XX в. давал 590 ц. красной рыбы и 19,5 ц. икры [22, с. 159, 239].

Как свидетельствует «Обзор Дагестанской области», на восьми промыслах, расположенных на Сулаке при его впадении в море, годовой улов осетровых в 1892 г. составил 5,3 тыс. ц., в т. ч.: белуги — 365 ц, осетра — 1832 ц. и севрюги — 310 ц. Икры в этом году здесь было добыто 179 ц [23, с. 7].

На сулакском речном промысле лов красной рыбы начинался в апреле и продолжался до

сентября, полностью охватывая период нерестового хода осетровых, стремящихся пройти в каменистые верховья реки. А морской улов красной рыбы осуществлялся сулакским промыслом в течение семи месяцев — с марта по сентябрь. Основным орудием лова в морском осетровом промысле являлся английский крючок с наживкой — «калада», распространившийся здесь из Черного и Азовского морей [14, с. 201]. Но продукция, получаемая от «калады», была низкого качества, в связи с тем что лов осетровых происходил достаточно далеко от берега. Летом на солнцепеке рыба целый день оставалась в лодке и начинала разлагаться. Рыба шла вторым сортом. Рабочие для улова нанимались главным образом из Саратовской, Ставропольской и отчасти Самарской губерний и очень редко из Астраханской губернии, на время улова на 3 месяца по 11–14 р. в месяц; на прокорм ватажного рабочего считали 4–5 р. в месяц. Доставка рабочего на ватагу и обратно обходилась от 5 до 10 р. Цена перевозки зависела от того, как возили — водою или железной дорогой. Поэтому стоимость каждого рабочего рассчитывалась на время рыбного улова 58–62 р. Доставка и погрузка вагона рыбы от ватаги обходилась, смотря по расстоянию, 20–35 р.

Труд хозяев не принимался в расчет; между тем каждый хозяин неотлучно все время улова находится на ватаге, так что если бы он поступил на место, то получил бы минимум 2000–3000 руб.

Расположенные по морским берегам и устьям рек осетровые и частичковые промыслы служили, в основном, местом приемки и обработки рыбы и получили названия «скупных промыслов». Рыбопромышленники, принимая или скупая от рыбаков рыбу, вступали с ними в договорные соглашения [12, с. 248]. В свою очередь, ловцы тоже различались подрядные и вольные, в соответствии с чем складывались и взаимоотношения между ловцами и рыбопромышленниками.

Разница в этих отношениях заключалась в том, что вольный ловец, располагающий собственными средствами производства, сдавал свой улов кому хотел по ценам, наиболее выгодным для него. Подрядный же ловец заключал предварительные соглашения с рыбопромышленниками и получал в счет будущих уловов задаток — деньги или товары, необходимые ему, с одной стороны, для обеспечения лова средствами производства (лодка, снаряжение, крючки, сети и прочее). Такой ловец обязывался сдавать весь улов «хозяину» по определенным ценам, наиболее приемлемым для промышленника-скупщика в момент сдачи. Ловец целиком зависел от рыбопромышленника, который мог поставить его в безвыходное положение, в любое время отказавшись от приемки рыбы. Данная кабальная зависимость ловца от приемщика рыбы приносила рыбопромышленникам большие доходы. Кабальное положение ловца усугублялось еще и тем, что его вынуждали приобретать необходимые продовольственные товары в промысловой лавке.

Но иногда, благодаря конкуренции среди скупщиков рыбы, возникала возможность подрядным ловцам сдавать свои уловы по более высоким ценам не «хозяину», а на сторону. Это приводило мелких предпринимателей к разорению, и они закрывали «скупные промыслы».

Морские рыбные промыслы тянулись по всему побережью области на землях Т.-Х.-Шурина, Кайтаго-Табасаранского и Кюрина округов и городов Петровска и Дербента. В первом они принадлежали исключительно частным лицам (в частности, рыболовные воды в Т.-Х.-Шурина округе принадлежали наследникам шамхала Тарковского), во втором и третьем почти исключительно казне; на землях городов — составляли общественную городскую собственность.

Выводы. Таким образом, можно отметить, что развитию осетрового промысла и рыбного промысла в целом, и превращения его в развитую рыбную промышленность, которая к концу XIX столетия заняла ведущее место в экономике Дагестанской области, соединив его не только со столицей и внутренними губерниями Российской империи, но и с зарубежными странами, способствовали следующие факторы:

— Снижение уловов красной рыбы во второй половине XIX в. в Российской империи [24, с. 5], вызвавшее необходимость освоения новых районов рыболовства Каспийского бассейна.

— Богатая сырьевая база и дешевая рабочая сила в Дагестанской области, обеспечивавшие личное обогащение рыбопромышленников.

— Предприимчивость российских и других рыбопромышленников, нашедших благодат-

ную почву для крупных капиталовложений.

— Полное отсутствие каких-либо ограничений рыболовства в частновладельческих водах Каспия и реках области.

Литература

1. Рамазанова, З. Б. *Культура питания народов Дагестана в XIX – начале XXI в.* — Махачкала : АЛЕФ, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2017.
2. Гаджиева, С. Ш. *Материальная культура кумыков. XIX–XX вв.* — Махачкала : Дагкнигоиздат, 1960.
3. Олеарий, А. *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно.* — СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906.
4. *Тарихи Дербенд-наме ; под ред. М. Алиханова-Аварского.* — Тифлис : тип. Я.И. Либермана, 1898.
5. Канивец, В. И., Буров, Г. М. *Отчет о работах Чирюртовского отряда Даг. арх. эксп. в 1956 г.* // Научный архив Института истории, археологии и этнографии ФИЦ РАН. Ф. 3. Оп.6. Д.32. — Махачкала.
6. *История Дагестана.* — М. : Наука, 1967. Т. I.
7. Пиккуль, М. И. *Отчет о результатах археол. исслед. в 1957 г.* // Научный архив Института истории, археологии и этнографии ФИЦ РАН. (НА ИИАЭ ФИЦ РАН). Ф.1.Оп. 4. Д.11.
8. Суворов, Е. К. *Промысловые водоемы СССР.* — Л. : ЛГУ, 1949.
9. Кушева, Е. Н. *Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв.* — Махачкала : Тип. ДФ АН СССР, 1954.
10. Рамазанова, З. Б. *Пища горских евреев Дагестана (XIX–нач. XX в.).* — Махачкала : ИИАЭ, 2008.
11. *Дагестанские областные ведомости. 1 июня 1910 г. № 24.*
12. Невраев, А. Ф. *Дагестанский район* // Труды научного института рыбного хозяйства. Т. IV. — М., 1928.
13. Бородин, Н. А. *Исторический очерк развития каспийского сельдяного промысла и общие сведения о его настоящем состоянии* // Труды Каспийской экспедиции 1904 года. Т. II. — СПб., 1908.
14. Правдин, И. Ф. *Аграханский залив и его рыбохозяйственное значение* // Известия отдела прикладной ихтиологии и научно-промысловых исследований. Том III. Вып. 2 ; под. ред. Л.С. Берга. — Л. : Гос. институт опытной агрономии, 1925.
15. Кузнецов, И. Д. *Рыбные промыслы Аграханского залива.* — СПб. : Тип. В. Курибаума, 1898.
16. Надирадзе, А. А. *Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период.* — Махачкала, 1969.
17. Козубский, Е. И. *Памятная книжка Дагестанской области.* — Темир-Хан-Шура : Русская типография В.М. Сорокина, 1895.
18. Цабко, С. И. *Остров Чечень на Каспийском море* // Вестник рыбопромышленности. Орган Императорского Российского общества рыбоводства и рыболовства. — СПб., 1911. № 7–9.
19. Козубский, Е. И. *Дагестанский сборник. Вып. II.* — Темир-Хан-Шура : Русская типография В.М. Сорокина, 1905.
20. Бэр, К. М. *Рыболовство в Каспийском море и его притоках* // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. II. — СПб, 1860.
21. *Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 14. Общественное управление Дербента. Оп. 4. Д. 7.*
22. *Борьба за установление и упрочнение Советской власти в Дагестане в 1917–1921 гг. : сборник документов и материалов.* — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
23. *Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 г.* — Темир-Хан-Шура : Русская типография В.М. Сорокина, 1893.
24. Гримм, О. А. *Каспийско-волжское рыболовство.* — СПб. : Типография В. Демакова, 1896.

References:

1. Ramazanova, Z. B. *Kul'tura pitaniya narodov Dagestana v XIX – nachale HKHI v.* — Mahachkala : Alef, IIAE DNC RAN, 2017.
2. Gadzhieva, S. SH. *Material'naya kul'tura kumykov. XIX–XX vv.* — Mahachkala : Dagknigoizdat, 1960.
3. Olearij, A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno.* — SPb. : Izd. A. S. Suvorina, 1906.
4. *Tarihi Derbend-name ; pod red. M. Alihanova-Avarskego.* — Tiflis : tip. YA.I. Libermana, 1898.
5. Kanivec, V. I., Burov, G. M. *Otchet o rabotah CHiryurtovskogo otryada Dag. arh. eksp. v 1956 g.* // Nauchnyj arhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii FIC RAN. F. 3. Op.6. D.32. — Mahachkala.
6. *Istoriya Dagestana.* — M. : Nauka, 1967. T. I.
7. Pikul', M. I. *Otchet o rezul'tatah arheol. issled. v 1957 g.* // Nauchnyj arhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii FIC RAN. (NA IIAE FIC RAN). F.1.Оп. 4. Д.11.
8. Suvorov, E. K. *Promyslovyje vodoemy SSSR.* — L. : LGU, 1949.
9. Kusheva, E. N. *Russko-dagestanskije otnosheniya v XVI–XVII vv.* — Mahachkala : Tip. DF AN SSSR, 1954.
10. Ramazanova, Z. B. *Pishcha gorskih evreev Dagestana (XIX–nach. XX v.).* — Mahachkala : IIAE, 2008.
11. *Daгestanskije oblastnye vedomosti. 1 iyunya 1910 g. № 24.*
12. Nevraev, A. F. *Dagestanskij rajon* // Trudy nauchnogo instituta rybnogo hozyajstva. T. IV. — M., 1928.
13. Borodin, N. A. *Istoricheskij ocherk razvitiya kaspijskogo sel'dyanogo promysla i obshchie svedeniya o ego nastoyashchem sostoyanii* // Trudy Kaspijskoj ekspedicii 1904 goda. T. II. — SPb., 1908.
14. Pravdin, I. F. *Agrahanskij zaliv i ego rybohozyajstvennoe znachenie* // Izvestiya otдела prikladnoj ihtologii

- i nauchno-promyslovyh issledovanij. Tom III. Vyp. 2 ; pod. red. L.S. Berga. — L. : Gos. institut opytnoj agronomii, 1925.*
15. Kuznecov, I. D. *Rybnye promysly Agrahanskogo zaliva. — SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1898.*
16. Nadiradze, A. A. *Razvitie i razmeshchenie rybnoj promyshlennosti Dagestana v dorevolucionnyj period. — Mahachkala, 1969.*
17. Kozubskij, E. I. *Pamyatnaya knizhka Dagestanskoj oblasti. — Temir-Han-SHura : Russkaya tipografiya V.M. Sorokina, 1895.*
18. Cabko, S. I. *Ostrov Chechen' na Kaspijskom more // Vestnik rybopromyshlennosti. Organ Imperatorskogo Rossijskogo obshchestva rybovodstva i rybolovstva. — SPb., 1911. № 7–9.*
19. Kozubskij, E. I. *Dagestanskij sbornik. Vyp. II. — Temir-Han-SHura : Russkaya tipografiya V.M. Sorokina, 1905.*
20. Ber, K. M. *Rybolovstvo v Kaspijskom more i ego pritokah // Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii. T. II. — SPb, 1860.*
21. *Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan (CGA RD). F. 14. Obshchestvennoe upravlenie Derbenta. Op. 4. D. 7.*
22. *Bor'ba za ustanovlenie i uprochnenie Sovetskoj vlasti v Dagestane v 1917–1921 gg. : sbornik dokumentov i materialov. — M. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958.*
23. *Obzory o sostoyanii Dagestanskoj oblasti za 1892 g. — Temir-Han-SHura : Russkaya tipografiya V.M. Sorokina, 1893.*
24. Grimm, O. A. *Kaspijsko-volzhskoe rybolovstvo. — SPb. : Tipografiya V. Demakova, 1896.*